

Олег Овчинников

Гуашь с кровью

Олег Вячеславович Овчинников

Гуашь с кровью

предоставлено автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184133
«Если», №7: 2007

Аннотация

Рассказ публиковался в журнале "Если" № 7, 2007.

Олег Овчинников

Гуашь с кровью

Вспомнилось: раньше я носился по этому коридору, размахивая руками. Потом стал ходить, сцепив пальцы за спиной. Теперь вот – на животе. Любовь Николаевна шутит, что походка у меня стала как у священника. Я не спорю – ей виднее. Когда-то, по молодости, я собирался уйти в монастырь. Потом попал в Дом и понял, что здесь не хуже. Правда, пару раз, шутки ради, отпускал бородку клинышком, но дольше чем на месяц меня не хватало. За ней же, аккуратной, уход нужен. А когда тут...

– Сергей. Серге-ей! – позвал я, а когда он остановился, взял за худые плечи. – Что ж ты по левой-то, а?

– Да какая разница, Александр Вла... Борисович. Тихий же час!

– Все равно. Тут ведь малыши, а ты – вон какой большой. Налетишь – растопчешь! – Я улыбнулся – голос всегда меняется от улыбки – и худые плечи расслабились. – Давай-ка вот сюда. Вот так. По правой, всегда – по правой. Хочешь, провожу тебя?

– Спасибо, – сказал он как фыркнул. – Сам справлюсь.

Его привезли к нам шесть дней назад, через две недели после неудачного пиротехнического эксперимента. В четырнадцать легче легкого запомнить простые правила общежития,

сложнее заставить себя их соблюдать. Ничего, ничего, привыкнет, подумал я, глядя вслед Сергею, потом приоткрыл дверь в спальню для мальчиков.

Протиснулся бочком. Если открыть до конца – дверь закрипит так, что всех перебудит. И проходящий по пятницам Матвей говорит, что ничего с этим поделывать нельзя. Что эта тварь питается петельным маслом. И наконец, что тут надо не смазывать, а менять, вместе с петлями, коробкой, а по хорошему и весь этаж давно пора перелицовывать, а то живете как в прошлом... тьфу ты, в позапрошлом веке. В общем, как говорится, человек ругается, дверь скрипит.

Я оглядел комнату и сказал себе: ага, трое. Мишка и Степка у ближней стены, хоть и лежали, накрытые до подбородка, но при этом слишком уж старательно шурились, а Андрюшка – тот не скрываясь сидел на краю кровати и, склонившись над большой деревянной табуреткой, что-то чертил. Нет, не чертил – рисовал, поправился я, когда вышел на середину комнаты и свет из окна перестал бить в глаза. Вот же кисточка, вот баночки с гуашью. Значит, рисует.

– Почему не спишь? – шепотом спросил я.

– Не хочется, Александр Борисович, – просто ответил он.

Я подошел вплотную.

– А что рисуешь?

– Погодите! – Андрюшка совсем уж навис над табуреткой, плечом загородив от меня свое творение. – Я почти дорисовал, осталось чуть-чуть.

– Ладно, ладно, я подожду. – Я отвернулся к окну. – Смотри, с кровати не упади.

Минуту спустя спросил:

– Все?

– Совсем почти уже все, – пообещал маленький художник. – А теперь, пожалуйста, наклонитесь чуть-чуть. Только не подглядывайте! Спасибо... – Я ощутил прикосновение теплых и наверняка не самых чистых пальцев к моему лицу. – Мне нужны взрослые брови, – пояснил он. – Теперь считайте до трех, и можете смотреть.

– Раз, два, три, – послушно произнес я, но открыл глаза чуть раньше, поэтому успел увидеть, как перепачканный в гуаши указательный палец уткнулся в середину листа, а кисточка сделала два уверенных мазка – слева и справа от него.

И хорошо что раньше. Эти «раз, два, три» помогли мне собраться с духом. И когда Андрюшка протянул мне листок со словами «Ну как?», вздрогнул только я, но не мой голос.

– Хорошо.

– Правда? – Андрюшка запрокинул лицо и неуверенно улыбнулся.

– Правда. – Я положил ладонь на его затылок, машинально отметив, что пора уже приглашать парикмахера, опять обросли мальчишки. Потом покосился на Мишку со Степкой, которые уже пару минут давились беззвучным смехом, и специально для них твердо повторил: – Очень хорошо.

– Как у Него?

– Почти, – уклончиво ответил я. – Надо будет еще потренироваться. Кстати, что... кто это на рисунке?

– Разве непонятно? – удивился Андрюшка. – Это Христос.

– Ну... я же никогда его в живую не видел, – натужно отшутился я.

– Я тоже. – Он улыбнулся во всю ширь. – Только во сне.

А вот два мелких пакостника у ближней стены совсем перестали улыбаться. На пунцовых лицах – настороженное недоумение: что мы сделали не так? Вроде все крышечки на баночках поменяли, почему же шутка не удалась?

– Можно я возьму его себе? – попросил я, избегая смотреть на рисунок. – Хочу поставить под стекло в моем кабинете.

– Конечно, берите, – обрадовался Андрюшка. – Я себе еще нарисую. Я теперь столько всего нарисую...

– Только не сейчас. – Я бросил взгляд на часы. – До подъема еще сорок пять минут, так что давай, давай, укладывайся.

Проходя мимо коек Мишки и Степки я покачал головой и подумал: «Все так, обормотики мои, все так. Просто такие шутки редко удаются. Когда слепые подшучивают над незрячим, обычно получается не смешно».

Говоря «Он», «о Нем», «у Него», маленький Андрюшка имел в виду своего великого тезку и почти что однофамильца. Почти что – поскольку у нашего в свидетельстве о рож-

дении значилось Рублев-Успенский.

Двойная и какая-то шоссейная фамилия досталась малышу от родителей, которые сперва не знали, как поделить долгожданного сына, а когда спустя три месяца стало ясно, что это не задержка в развитии, а полная и окончательная слепота, долго не могли решить, как от него избавиться. В конце концов отдали в приют. Хотя слово «приют» мне не нравится. И слово «центр» не нравится. Я предпочитаю называть это место Домом. Отдали не на реабилитацию – какая в три месяца реабилитация, – а насовсем. Но не о том речь.

С тех пор как кто-то из летних практиканток – кажется, Леночка – рассказала детям об Андрее Рублеве, Андрюшка просто загорелся. Он попросил фломастеры и карандаши, чертил кружочки и треугольнички по трафарету, спрашивал, какого цвета солнце? а стол? а человек? Потом уже я раздобыл эти краски с четкими оттисками на крышечках: «красная», «зеленая», «синяя»... А на Андрюшкин день рождения – привез из города огромный альбом с репродукциями. Мы иногда листали его перед сном, Андрюшка водил пальцами по страницам, а я рассказывал, что на них изображено.

Во второй раз Андрюшка – не загорелся даже, а вспыхнул – когда на той неделе услышал в новостях про церковную школу, где слепых детей учат писать иконы. «Я тоже научусь! Как Он! – светился от восторга мальчишка. – Ведь Он рисовал иконы!» «Конечно, Андрюша, конечно. Только не рисовал, а писал», – ответил я и умолчал о том, что слепота сле-

поте разнь. С точки зрения здравоохранения, слепые – все, у кого острота зрения ниже 0.1. Они могут различать цвета, узнавать форму предметов, реагировать на направленный в глаза свет. А тех, у кого полный ноль, я бы все-таки называл незрячими.

Да и незачем об этом говорить. Все, что дает надежду – хорошо. А вот жить совсем без нее, наверное, невыносимо.

В кабинете я сел за стол, надел очки для чтения и скрепя сердце заставил себя рассмотреть рисунок. В этот раз он не произвел на меня такого гнетущего впечатления, как поначалу, и все же что-то с ним было не так. Я пытался понять, что именно, но это мне плохо удавалось. Казалось, рисунок сам отталкивает взгляд. Я то и дело ловил себя на том, что рассматриваю стаканчик с авторучками или основание настольной лампы, но не лист бумаги, лежащий на столе между моими ладонями.

На первый взгляд, в нем не было ничего пугающего. Белый фон и человеческое лицо – выполненное, я бы сказал, на удивление хорошо, учитывая, что художник никогда не видел человеческого лица. Большой овал, на нем – два овала поменьше, почти треугольный нос, прямая линия губ, обрамление волос, не имеющее вмятой формы. Скорее, дело было в подборе цветов. Волосы, например, были светло-зелеными (кстати, ни усов, ни бородки на рисунке не было). Губы – желтыми. Глаза... Мне пришлось сделать усилие, чтобы со-

средоточиться на них. Глаза были ярко-красными, как будто в них отражается пламя, а само лицо – голубым. Только брови были почти естественного цвета – серыми. Тоже вроде бы ничего страшного, и все-таки... Все-таки, когда Андрюшка рисовал треугольные деревья и круглых птиц, мне было как-то спокойнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.